

В. П.
СВЕНЦИЦКИЙ

Сочинения

Валентин Свенцицкий
Венок на могилу Льва Толстого

«Public Domain»

1912

Свенцицкий В. П.

Венок на могилу Льва Толстого / В. П. Свенцицкий — «Public Domain», 1912

Содержание

Куда уехал Лев Толстой?[1]	5
Смерть и бессмертие[4]	7
Бог посетил народ Свой[8]	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валентин Павлович Свенцицкий

Венок на могилу Льва Толстого

Куда уехал Лев Толстой?¹

«Лев Толстой 28 октября велел заложить лошадей и вместе с доктором Маковецким уехал в Шокино, откуда по железной дороге отправился на юг. В оставленной на имя жены записке Толстой пишет, что его тяготит обстановка жизни, просит не делать попыток отыскивать его, трогательно прощается с своим семейством и говорит, что как чистый христианин он должен жить в мире и ни в каком случае не вернётся. Местопребывание Толстого неизвестно».

Куда уехал Толстой? И от *чего* он уехал?

Толстой уехал, убежал прочь от той *лжи*, которая мучила его, начиная с того дня, когда он допустил в основу своей «новой жизни» компромисс, слабость, уступку, отравлявшую каждый день, каждый час долгие годы его религиозной проповеди.

Об этой лжи или говорили злобно, и потому несправедливо, или молчали вовсе. Молчали, одни из рабского «благоговения» перед великим человеком, другие – из целомудренного, бережного отношения к его греху.

Теперь об этой лжи можно и должно сказать открыто.

Толстой провозгласил учение, в корне отрицающее все основы нашей современной жизни: собственность, деньги, суд, насилие, войска, власть, войны и пр. и пр. и пр.

Исповедание на деле, а не на словах этого учения логически несовместимо с прежней формой не только семейной, но просто сколько-нибудь «культурной» жизни. Но, уступая семье, привычке, подчиняясь слабости, жалости и другим «человеческим» чувствам, Толстой захотел сохранить всё по-прежнему. В результате «реформа» могла коснуться только одежды и обуви, и начался длинный ряд мучительных компромиссов. То, что делалось по-«толстовски», или не доделывалось, или касалось мелочей: в результате получилась паутина, которая связывала Льва Толстого крепче железных цепей.

Так, Толстой отказался от собственности. Но это был странный отказ. Он не был проведён *до конца*, со всей *искренностью*, с безусловной *последовательностью*. Ведь собственность, которую человек перестаёт считать *своей*, в тот же момент перестаёт быть *его* собственностью. И потому ясно, что Толстой, отказывавшийся от своего имущества потому, что перестал его считать своим, не мог *передавать* его, ибо акт *передачи* есть уже действие *собственника*. Но вещь, которая для него была уже *не его*, передана быть не могла. Вещь «чужую» не передают.

Толстой остался жить в имении своей жены. Правда, он пахал, шил сапоги, рубил дрова. Но он ездил на велосипеде и по железной дороге и пр. и пр. А это всё требовало денег, и ему приходилось пользоваться тем же имуществом, которое он передал жене. Он жил в маленькой комнате, но лакеи подавали ему кашу в серебряных мисках. Одна ложь тянула за собой другую, один компромисс порождал другой – и в конце концов нельзя было разобрать, где кончается ложь и начинается правда.

«Известный толстовец» Бирюков² на втором томе своей биографии Толстого сделал неприличнейшее посвящение графине Софье Андреевне Толстой. Он сравнивает её с солнцем и посвящает ей книгу, в благодарность за то, что она заботливо охраняла Толстого.

Между тем именно она была главной виновницей той лжи, в которой задыхался Толстой.

---

¹ Печатается по: Новая Земля. 1910. № 9. С. 2–3. Подпись: Далёкий Друг.

² Бирюков Павел Иванович (1860–1931) – публицист; друг и биограф Л. Н. Толстого.

Вместо того, чтобы поддержать его на новом пути жизни и помочь жить по-новому, она, пользуясь нерешительностью, слабостью и недостатком сил у Толстого для коренной и окончательной ломки, – вынудила его вступить на путь компромиссов.

Толстой прежде всего бежал от этой семейной лжи. Лжи своего покоя, уютной жизни, довольства, сытого и мирного существования.

Но не от этого только.

В «Письме о вегетарианской любви» я говорю о разнице между Толстым и толстовством. И теперь утверждаю это с удвоенной силой:

Толстой бежал от *толстовства*.

Он бежал от своих «кардиналов», от этих господ, расхаживающих босиком в своих дворянских имениях. Они усвоили из всей его великой жизни только одну телесную сторону компромиссов. Лишённые его сердца, его гения, его жажды правды и его живой души, – они отразили образ Толстого в кривом зеркале, и получилась страшная карикатура.

Толстой с ужасом бежал от этой карикатуры на самого себя.

Куда же бежал Толстой? Куда бы ни бежал он: в Курск, Киев, Харьков – это безразлично: он бежал от *пустых слов* – к *живой жизни*. От лжи – к правде. От смерти – к воскресению.

Может быть, жизнь его выльется в такие формы, которым мы сочувствовать не будем. Но во всяком случае – это уже будет *действие*, не слова, а *дела*. Тут целый переворот. Тут человек перешагнул через бездонную пропасть, ибо слово и дело у Толстого были отделены друг от друга бездонной пропастью лжи и подделок.

Толстой во всяком случае начинает *новую жизнь*. Новая жизнь его является прежде всего *великим творческим актом человеческого духа*, и если вспомнить, что свершает этот акт восьмидесятидвухлетний старец – пред ним хочется преклониться с благоговением. Легко судить и бросать в человека грязью: и правы были те, кто ждал это делать – хотя жизнь Толстого давала сколько угодно материала для того, чтобы в него бросать камнями.

Пока жизнь человеческая не кончилась, никто не вправе выносить над ней своего обвинительного приговора в окончательной форме

Когда Толстой в статье «Не могу молчать» писал, что я больше так жить не могу и *не буду*, – то «не буду» многим показалось «фразой», и в этом числе мне³

Но очевидно, Толстой имел право сказать так.

Громадное большинство людей живут «без перемен» не потому, что они находят твёрдый, не колеблющийся фундамент, а потому, что они «устают искать» и «засыпают» на первом попавшемся «сухом месте». Толстой велик прежде всего этой неусыпной жадой совершенства.

И если его отъезд есть начало такой жизнедеятельности, которую мы по существу будем считать ошибочной, – всё же «бегство Толстого» будет великим делом уже по одному тому, что этим фактом он с новой пророческой силой провозглашает истину, что начинать новую жизнь никогда не поздно. Ибо для духа человеческого нет ни времён, ни сроков.

---

³ Свенцицкий имел основания для скепсиса, поскольку публично произнёс: «Я не могу молчать» (зачин «Открытого обращения верующего к Православной Церкви») на 2,5 года раньше Л. Н. Толстого и делами доказал, что это была не фраза. За напечатанную в журнале «Полярная звезда» (1906. № 8. С. 561–564) статью, призывавшую прекратить братоубийство, обуздать месть властей предрержащих и наложить епитимию на чиновников-руководителей совершаемых злодейств, Свенцицкий был обвинён по ст. 128 Уголовного уложения в «дерзостном неуважении к власти». В речи на суде 4 ноября 1906 подтвердил свою позицию, отстаивал право не повиноваться государственным законам, раз они идут вразрез с заветами Христа, умолял Церковь снять с солдат присягу, понуждающую их расстреливать даже родного отца, и был оправдан присяжными заседателями.

Смерть и бессмертие⁴

Весть о смерти Льва Толстого застала меня далеко от Москвы, далеко от той «культурной» атмосферы, в которой невольно подчиняешься общему *тону*, заражаешься теми привычными «общеобязательными» формами «сочувствия», в которые выливаются «культурные» переживания в событиях, подобных смерти Толстого.

И может быть, потому именно эта смерть дала лично мне столько очищающего, нового, о чём нельзя и не нужно говорить...

Но было нечто во всём пережитом такое, что касается одной из величайших проблем человеческого духа, и говорить о нём хочется особенно потому, что я не знаю, чем можно более достойно почтить намять Толстого, как не размышлением об этих вопросах.

Я говорю о *бессмертии*.

Отъезд Толстого из Ясной Поляны, посещение Оптинской пустыни, болезнь и смерть его – обо всём этом каждый день читалось в газетах и в нашей, здешней глуши.

Но кругом не было нервной, в существе своём лживой столичной сутолоки. И всё, что пробуждали события в душе, оставалось как бы с глазу на глаз, лицом к лицу с твоей совестью.

И странно, что внешние впечатления, которые в нездоровой атмосфере столичных «улиц» только искажают и рассеивают подлинное чувство, – здесь, напротив, каким-то таинственным путём связывались с тем главным, что безраздельно владело душой, – с болезнью Толстого.

Особенно ясно почувствовал я эту связь на берегу Волги.

Мы хотели ехать за Волгу, пошли на берег, к лодке. Было холодно, ветрено. Ехать оказалось невозможным. Сели на брёвна около воды.

Какую странной казалась река: тёмно-серая, холодная, гулкая... У берега большая тёмная баржа, на том берегу песок и чёрный лес. И облака серые, и всё такое свинцовое, тяжёлое...

Я не думал о Толстом. Но всё время чувствовал, что мыслью о нём полна душа. И что холодная чёрная Волга имеет с мыслью о нём какую-то связь. И что, глядя на сердитые, стальные волны, совсем не жутко, не тоскливо. Что в сердце растёт новая, большая радость...

Да, болеет. Да, страдает. Может быть, умрёт. И всё-таки радость. Новая, неожиданная. От которой не то смеяться хочется, не то плакать. Но, во всяком случае, от которой хорошо как никогда...

Ветер дует верховый. Холодный, острый... Злится.

Но теперь всё радуется, и холод, и ветер, – всё.

Рядом со мной сидит племянница, я зову её Верашей-неразумницей. Она всё шалит. И мешает «думать».

А на душе такое счастье.

Это любовь. Маленькая, чуть заметная частица любви. Не к кому-нибудь, а *ко всем*.

Любовь от *него*. От того, кто *там* лежит. И за него *не страшно*. Потому что то, что в нём, – это *настоящее*. Выше всего земного, вечное. Бессмертное...

Вечером «из города» привезли известие:

– Умер.

Пошли узнать по телефону «на завод»: может быть, опять ложный слух. Может быть, ошибка.

Вернулись через полчаса:

– Нет, правда. Умер... Спрашивали по телефону в редакции. Получена телеграмма...

---

⁴ Печатается по: Новая Земля. 1910. № 10. С. 8–11. Подпись: Далёкий Друг.

Смерть Толстого произвела впечатление совершенно исключительное. Беспрецедентное. Здесь речь не о силе впечатления, а о самом его качестве.

В смерти Толстого человечество пережило *ощущение бессмертия*.

Ощущение это до того сложно, до того *ново*, до того всех застало «врасплох», что его долго не в силах будут «осмыслить».

Толстой *умер*.

Но это слово «*умер*» не отдавалось в душе той глупой, тяжёлой болью, которой отдаётся всегда слово «смерть», когда умирают близкие, дорогие люди.

Скорей была почти *радость*. Но радость не «весёлая», а *торжественная*.

Хотелось плакать. И многие *по-настоящему* плакали. Но и слёзы были особенные. Без горечи, без того особого чувства, в основе которого заложено сознание «конца», «бесповоротности». – Умер. Конец. Больше никогда не вернётся. И никто ничем не может это изменить.

Не было этого.

Слёзы, которыми плакали люди в эту ночь, были скорей от восторга, от неосознанного умиления.

Вся сложность переживаний, вся неожиданность их заключалась именно в том, что люди, чудом каким-то, сами того не сознавая, пережили человеческую смерть именно так, как должны переживать всегда: без ужаса, без боли, без отчаяния – как таинственный переход к вечной *жизни*. Поверили душой, а не мозгом, в эту *жизнь*. И умилились, растрогались. «Ожили сами».

Смерть Толстого свершила *чудо*.

Она пробудила в людских сердцах *веру*. Она затронула что-то такое сокровенное, самую основу *бессмертного* нашего духа – и мы на несколько мгновений как бы *сознали* своё бессмертие.

Люди обычно не переживают так смерть потому, что обычно бессмертный дух человеческий слишком заслонён от нас мёртвой оболочкой тления.

Толстой же смертью поднялся на высочайшую ступень духовной жизни. Он облёкся в красоту *нетленную*. Его *личность* ещё при жизни как бы освободилась от всего суетного, временного, подверженного разложению, уничтожению. Оставалась лишь какая-то неуловимая нить, связывающая его с жизнью земной, видимой, конечной.

Вот почему, когда эта нить оборвалась, как будто бы ничто «не изменилось».

Толстой точно остался *жить*. Ибо он для нас остался всё таким же, как и до болезни в Астапове. Каким он встал перед нами после своего ночного отъезда из Ясной Поляны.

Таким же: бессмертным, духовным, ослепительным...

Когда люди во всех концах мира читали бюллетени о его здоровье, – о том, что температура 38,2, а пульс 120, а дыхание столько-то, – читали каждый день, следили за ходом болезни, за каждым её шагом, – они в это время вместе с Толстым переживали медленный переход от жизни конечной к жизни иной, бессмертной. Оборвалось его дыхание. Перестало биться сердце, бессмертное «я» человеческое перешло к новой, высшей форме бытия, – и *продолжение жизни* было так «очевидно», переход был так *тих*, так незаметен, так мало изменял *по существу* то, что мы называли «Львом Толстым», – что все верующие и неверующие невольно продолжали жить с Толстым и дальше. Не отдавая себе отчёта, как и почему, не облакая своих чувств в сознательное представление, – в сокровенных глубинах сердца все почувствовали вечное бессмертное «*продолжающееся*» бытие Толстого.

Вот источник той особой радости, того умиления, которое пережил за эти дни весь мир.

Толстой был *религиозный гений*. Ему было в величайшей степени дано это ощущение иного мира⁵. Недаром сам он рассказывал, как до реальности ясно ощущал Божество и мог простаивать в лесу часами, отдаваясь этому ощущению.

Но Толстой был ещё и *гениальный художник*, и потому он сумел *рассказать* об этом другим людям. И действительно, читая те сочинения Толстого, в которых он говорит о человеческой душе, как о частице Бога, мировой любви, о том, как со смертью душа снова возвращается к Богу и соединяется с своим первоисточником, – нельзя ему *не верить*. С такой осязательной ясностью, почерпнутой из своего *религиозного* опыта, говорит он обо всём этом.

Но если Толстой как религиозный гений переживал своё бессмертие, если он как гениальный художник рассказал о нём людям, – то смертью своей он заставил их *почувствовать* бессмертие – как *святой человек*.

* * *

Вот об этой стороне *личных моих* переживаний мне и хотелось рассказать в своём «письме».

Я глубоко убеждён, что не для меня одного, а для очень и очень многих смерть Толстого будет поворотным моментом в жизни. Началом новой «эпохи»⁶.

Ощущение «бессмертия», хотя бы в течение одного мгновения пережитое, – останется в душе навсегда как краеугольный камень дальнейшей духовной жизни.

Я должен прямо сказать, что, признавая «бессмертие» теоретически и «заставляя» себя путём самоуглубления переживать его в действительности, я никогда *вполне* не переживал его как *факт*.

И пережил это впервые *по-настоящему* только в связи со смертью Толстого.

И пережив, понял, не *теоретически*, а *психологически*, что жизнь «оживает», становится «цельной» и неразрывно связанной с тобой только при условии этого *ощущения* бессмертия.

Можно теоретически бессмертие отрицать – но *психологически* веру в него носить в своей душе и жить радостной, «одухотворённой» жизнью.

И напротив, теоретически можно его признавать, но не иметь в душе живого чувства бессмертия и тогда ничего, кроме тления и мрака, не видеть в мире.

Ощущение бессмертия *реально* соединяет душу с *вечным*, даёт не только сознание своего, но делает это «я» как бы соучастником жизни *всего* целого.

Вот почему то чувство *бессмертия*, которое заставил Толстой пережить человечество своею смертью, было великой *объединяющей* силой.

Почувствовав себя бессмертными, люди почувствовали себя частицами единого *космоса*.

Всё это было для меня так изумительно ясно в тот вечер, когда я узнал о смерти Толстого.

Поздно вечером мы все, обитатели тихого одноэтажного домика, сидели по обыкновению на ступеньках крыльца.

---

⁵ Название и отдельные места написанной двумя годами позже статьи В. В. Зеньковского «Проблема бессмертия Л. Н. Толстого» прямо указывают на первоисточник: «По силе его дерзновенного протеста против современной культуры он по праву должен быть назван гением; <...> величайшая заслуга Толстого <...> в его смелой, проникновенной, часто гениальной борьбе за религиозное миропонимание, за религиозное отношение к жизни. Религиозное творчество – вот то главное, в чём расцвел гений Толстого; оно ценнее, важнее, чем всё остальное, что он дал культуре. <...> Самое характерное в духовной личности Толстого то, что он был мистиком» (Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб., 2000. С. 500–501).

⁶ Ср.: «Эта смерть может явиться началом коренного духовного переворота в сознании общества <...> Именно это новое чувство явится источником нашего духовного обновления. <...> Если смерть Толстого окажется не событием национальной жизни, началом новой ее эпохи, а лишь эпизодом, оживившим столбцы газет и залы собраний, то история скажет о нас, что мы не заслужили быть современниками Толстого и свидетелями его прекрасной смерти» (Фрэнк С. Памяти Льва Толстого // Там же. С. 555).

И всё мне казалось новым. Даже на звёздное небо я смотрел с каким-то особенным чувством.

Умер Толстой, и душа теперь снова соединяется с Божеством, пройдя великий путь жизни. И в моей душе есть Бог. И во всех людях. И все мы соединены друг с другом как братья. И с Богом соединены как с нашим Отцом. И со звёздами, и с этой ночью, и с тёмной, холодной Волгой, и с чёрным лесом, и со всей землёй, и со всем небом, и со всем миром...

Вераша-неразумница больше не шалила.

– Не будьте печальной, – сказал я ей, – надо радоваться.

– А вы радуетесь?

И я невольно ответил:

– Да, радуюсь. Но это радость больше похожа на восторг. Я радуюсь, потому что чувствую бессмертие...⁷

---

⁷ Ср. написанное 1 ноября 1910, ещё до смерти Толстого: «Он вплотную подошёл к Престолу Божию, и у него он услышит свой последний суд и едва ли – осуждение. Какие нам, русским людям, среди тяжких, кошмарных будней посылает Бог праздники!» (Нестеров М. Письма. Л., 1988. С. 241).

Бог посетил народ Свой⁸

В жизни отдельных людей и в жизни всего человечества бывают великие события, когда внешняя, мёртвая оболочка жизни разом обращается в прах и на несколько мгновений открывается таинственный образ вечности.

Всё, чем люди живы в серые дни пошлой повседневности, всё, чем одурманивают они свою душу, усыпляют совесть, – всё, что кажется им таким большим и нужным и ради чего они с остервенением душат друг друга, – всё это исчезает, как дьявольское наваждение, принимает свой подлинный вид ничтожества и не заслоняет больше собой великого, далёкого.

Жажда власти, мечты о славе и «общем признании», самолюбие, жажда внешних почестей, упоение «успехом», мечты о богатстве, о роскошной жизни и наслаждениях плоти, разврат и ложь, пустословие и всяческая подделка, – вся подлость и рабская тупость нашей личной жизни, – а в жизни общественной всё лицемерие деятельности общественной, всех этих ненужных, злых и безбожных общественных учреждений⁹, – уступают место перед лицом великих событий глубокому сознанию, что подлинная сущность и смысл жизни так необъятно велики, так прекрасны, так возвышают человеческую душу, что стыдно и невозможно становится думать о своих маленьких делах.

И люди, «опомнившись», как бы приходят в себя и ощущают на мгновение своё Божественное призвание. Это Бог посещает народ Свой...¹⁰

Таким великим событием я считаю смерть Льва Николаевича Толстого.

И не самый факт смерти, а всю совокупность событий, предшествовавших и связанных с этой смертью.

Если бы Лев Толстой умер месяц тому назад в Ясной Поляне, сколько бы ни говорилось возвышенных слов, сколько бы ни присылали со всех концов сочувственных телеграмм «семье покойного», сколько бы венков ни «возлагали» на его гроб, сколько бы ни почитали память его вставанием, – *великого события не было бы*

---

⁸ Печатается по: Новая Земля. 1910. № 10. С. 3–4. Подпись: В. Свенцицкий.

⁹ «Действительно ненужными суды и войско становятся только для духовно-возрождённых» (*Тареев М.* Цель и смысл жизни. Св. – Троицкая Сергиева Лавра, 1903. Ч. 2. Гл. 4.V).

¹⁰ Ср.: Руфь 1, 6.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.